

Н.В.Чурмаева

Усилиительные наречия
в языке русской письменности XI-XVIII вв.

В современном литературном языке внутри наречий особую группу составляют количественные наречия, или наречия меры и степени: весьма, едва, почти, слишком и др. Смысловой центр этой группы образуют усиливательные наречия с общим значением 'очень, в большой степени': с одной стороны к ним примыкают такие наречия, как еле-еле, чуть, едва, слегка, с другой - слишком, совсем, полностью, совершенно (ср.: чуть-чуть скучал, очень скучал, слишком скучал).

Срединность положения усиливательных наречий в известной степени определяется логическими соображениями: в сочетании со словами, значение которых уже содержит указание на интенсивность действия или признака, они теряют смысл (ср.: очень красивый, но ~~*очень~~ великолепный; очень плохо, но ~~*очень~~ хуже). Этот довод закреплен литературной нормой, которая, однако, в разговорной речи часто нарушается.

Интерес к усиливательным наречиям определяется спецификой их положения в языке: они изолированы или лексически (напр., очень), или семантически (напр., гораздо, больно). Принадлежа к разряду наречий со значением качества, наиболее полным выразителем которого в языке является класс имен прилагательных, усиливательные наречия могут не иметь смысловой соотнесенности с прилагательными. Эта особенность заслуживает внимания хотя бы потому, что одним из морфологических признаков наречия как части речи считается их соотносительность со всеми основными классами изменяемых слов.

Историческое изучение усиливательных наречий предпринято нами для того, чтобы выяснить условия, при которых у отдельных наречий появляется и закрепляется значение 'в большой степени'. Несомненный интерес представляет и сочетаемость таких наречий с разными классами слов в языке ранней эпохи.

В статье рассматриваются наречия зъло, вельми, повелику, добръ, гораздо, весьма, больно и очень - в том порядке, в каком они появляются в памятниках письменности древнерусского и старорусского периодов.

Исследование проводилось на материале письменных памятников

XI-XVII вв., исторических словарей и картотек, в том числе картотеки Словаря древнерусского языка XI-XIV вв.¹, созданной на основе полной расписки источников¹.

ЗЬЛО. С начала исторического (письменного) периода древнерусского языка в значении 'очень, в большой степени, весьма' употребляется общеславянское наречие зъло.

В древнерусский период оно выступает как непроизводное. Единственный пример с прилагательным зълы, который приведен и в Материалах Срезневского, является, по-видимому, следствием искусственной буквальности перевода². Другие образования с этим корнем мотивированы наречием: зъльны, зъльне, зъльство. Все эти примеры (их 12 на почти тысячу употреблений зъло) отмечены в одном памятнике - Пандектах Никона Черногорца XIV в.

Как и для других наречий, обычной является сочетаемость зъло с глаголами, прилагательными, наречиями: зъло тя люблю (Изб 1076, 95); ревни зъло (Пр 1383, 14в); камень многочыньи зъло (ПрЛ XIII, 80б); зъло рано (КР 1284, 199а); зъло зъль (Там же, 211б); далече есмь о(т) тебе зъло (Пал 1406, 167а).

¹ Названия источников древнерусского периода даются по изд.: Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.). Гл. ред. Р.И.Аванесов. Т. I. М., 1968, с. 28-68. Сохраняются обозначения примеров, взятых из словарей: Срезневский И.И. Материалы для Словаря древнерусского языка, т. I-III. СПб., 1893-1903 (сокращенно Срезн.); Словарь русского языка XI-XVII вв., вып. 1-13. М., 1975-1987 (сокращенно СлРЯз XI-XVII); Словарь русского языка XVIII века, вып. 1-4. Л., 1984-1988 (сокращенно СлРЯз XVIII). Обозначения примеров из картотеки СлРЯз XI-XVII даются по изд.: Указатель источников картотеки Словаря русского языка XI-XVII вв. Сост. С.Ф.Геккер, С.П.Мордовина, Г.Я.Романова. М., 1984. Обозначения примеров из картотеки СлРЯз XVIII даются по изд.: Словарь русского языка XVIII века. Правила пользования. Указатель источников. Л., 1984.

² Тако и мы въ вещьхъ. егда не приметъ зълое извѣстое.

Обращает на себя внимание употребление зъло при существительных: мужъ мнихъ // и подобитель зъло (ПС к. XI, 26–27); зъло губитель бывъ (ПрЛ XIII, 32б); Мефодий же посади въ по-па скорописца зъло (ЛЛ 1377, 898 г.); благохвалницы и зъло упованныци (ФСт XIV, 76) и др. В этих примерах прозрачна семантическая связь существительных с глаголом, поэтому наречие выполняет здесь свою обычную роль – обозначать признак действия, хотя и в необычных синтаксических условиях. Однако зъло встречается также при существительных иного семантического класса: зъло просторъ дасть... крестьяномъ (ГА XIII–XIV, 263в); онъ гль зъло въ время въсприи(м). (ЖВИ XIV–XV, 95а). Интересно употребление зъло при прилагательном с числовым значением: не укорити мужа похваленъе(м). ни зъло вторымъ по инъ(х) приити (ГБ XIV, 142б).

Обычным для языка письменности XI–XIII вв. является употребление зъло при формах сравнительной степени прилагательных и наречий: лютѣ бо зъло всіхъ (Пр 1383, 148в); зъло ч(с)тнѣши и славнѣши бяху (ГБ XIV, 176а); не зъло превыше (Там же, 110в) и др.

Таким образом, от современных наречий очень, сильно, которыми в исторических словарях tolкуется значение зъло, последнее отличается свободной сочетаемостью – как лексической, так и грамматической.

ВЕЛЬМИ. По своей форме вельми представляет праславянский отмытенный тип наречий на =мъ³. Прилагательное велии ‘большой по размерам и значению’ встречается в памятниках древнерусского периода довольно часто, но со временем вытесняется из языка суффиксальным великъ (великны).

Наречие вельми употребляется обычно при глаголе, прила – спасати. прѣзримъ нѣкого. (КЕ XII, 218а). В греч.: μὴ έξη τὸ λίαν δικριβὲς δποσφέιν.

³ В наших источниках не отмечена форма вельма, на которую как на дублетную к вельми указывает, в частности, Лиукконен, см.: К. Лиукконен. Происхождение русских отглагольных наречий на =мъ. – Доклады финской делегации на IX съезде славистов. Helsinki, 1983, с. 13.

гательном и наречии: вънимаи вельми (Изб 1076, 163об.); Агрикъ нѣкто... богатъ сы вельми. и любяще вельми стѣго николы (Чудн XII, 69в); и бы вода велика вельми. въ волхове и всюде. сено и дръва разнесе (ЛН XII-XIV, 1143 г.); и удари громъ вельми сильно (ЛЛ 1377, 1305 г.); Вельми добро есть нудитися чѣвку да удържть стра(с) гневную (ПрЛ XIII, 58б) и т.д.

Вместе с тем, как и наречие зѣло, вельми могло выступать определением имени существительного неотглагольного образования. См. примеры: братъ же пользу приимъ вельми (ПСк XI, 14об.); вл(д)ка ре(ч) бо не вельми попъ тъ волею велѣль (КН 1280, 537 об.); обечерихся [в др. сп. овѣчерихся, т.е. 'припозднился'] вечеру сущо вельми и по//идохъ мыться (ПрЛ XIII, 606-в); и хотѣша новгородци на нихъ ударити. но ини рекоша уже есть вельми къ ночи, еда како смятемся и побиемся сами (ЛН XII-XIV, 1268 г.); Бѣ ведро вельми. и мнози борове и болота загарахуся (ЛЛ 1377, 1223 г.); не вельми тьма бываетъ нощи (Пал 1406, 7 г.); и бѣ(c) вельми вечеръ (ЛИ ок. 1425, 1152 г.).

Свободно употребляется вельми при сравнительной степени и словах, лексическое значение которых уже содержит указание на предельную степень качества: бѣ бо пребаѣть вельми (ПНЧ 1296, 78); вельми лжает [т.е. 'гораздо легче'] (ЛН XII-XIV, 1157 г.); вельми преболии есть (МПр XIV, 3 об.); вражеднѣе вельми (ПНЧ XIV, 107г); вельми бо боле нась (Пч к. XIV, 98об.) и др.

Стилистическая, жанровая или иная специфика употребления наречий зѣло и вельми не очевидна. Оба употребляются не только в одних и тех же памятниках, но буквально рядом: Бѣла игуминъ... великъ зѣло и вельми вѣздѣржася (Пр 1383, 11а); Ни зѣло надѣйся, ни вельми о(т)чаися (сфѣбра... буав. Пч к. XIV, 132). Оба наречия употребляются для выражения интенсивности усиления ("усиление усиления") действия или признака: начять яялити си вельми зѣло (Изб 1076, 130); ту ся моли съ слезами вельми зѣло (ПС к. XI, 166об.); и зѣло вельми хваливъся (ГА XII-XIV, 231г); и бѣ(c) брань крѣпка вельми зѣло о(т) обоихъ (ЛИ ок. 1425, 1161 г.).

В целом в памятниках XI-XIV вв. наречие вельми встречается реже, чем зѣло⁴, в летописях чаще употребляется вельми. Оба

⁴ В картотеке СДР XI-XIV вв. представлено 960 употребле-

наречия продолжают употребляться в языке письменности долго, вплоть до XVII в.: Шла река Сухона вельми грозно. Вода была велика, такова и не бывала. Лед город стерл (Уст. лет. ХУП, 1516 г.); когда вѣтъ... зѣло косо... вѣтъ. (Прим. Ведом. Т729. — КСлРЯз XVII). Однако книжный характер обоих наречий с веками проявляется все отчетливее на фоне появляющихся в языке новых наречий с усилительным значением.

Итог длительной истории зѣло и вельми в языке русской письменности был подведен писательской деятельностью Пушкина. Чулкин использует их или при описании старины: "Генеральная баталия, как говорил Петр I, дело зело опасное"; "Одульф, его начальникъ рода, Вельми бе грозен воевода (Гласит Софийский Хронограф)" или же в щутливом употреблении: "Теперь я должен перед вами зело извиняться за долгое молчание"; "... и приказчик о том вельми крушился и свирепствовал во словесах"⁵.

ПОВЕЛИКУ. В записях XI в. Повести временных лет по Лаврентьевскому списку в значении 'очень' встречается наречие повелику: блодися его повелику (1065 г.); его же любляше повелику Борисъ (1015 г.). В последнем примере по спискам XV в. (Акад. и Радз.) вместо повелику стоит вельми. В памятниках письменности XI–XIV вв. повелику отмечено не менее 20 раз обычно в сочетании с глаголом: бѣ... повелику угодиша (ГА XIII–XIV, 72г); ови же повелику лица своя бывше (Там же, 162б); печалуеть бо ся повелику (μειζούως. Пч к. XIV, 134); Володимирь бо зовяще тогда тестя своего повелику тако река... поедь побудешь в своемъ дому (ЛИ ок. 1425, 1274 г.).

По форме наречие относится к широко представленной в древнерусском языке модели качественных наречий (подобру, поскору, потиху, почасту, подробну и др.)⁶.

Со временем повелику 'очень' выходит из употребления. Причина заключается не столько в конкуренции с наречиями зѣло и 496 – вельми.

5 См.: Словарь языка Пушкина, т. I. М., 1956.

6 Подробней см.: Чурмаева Н.В. Наречия типа повелику в древнерусском языке. — Исследования по исторической морфологии. М., 1978, с. 185–197.

ло и вельми (ведь появилось повелику в тех же условиях!), сколько в семантических изменениях внутри гнезда. Повелику 'очень', как представляется, могло появиться на основе великъ в значении 'большой'. Когда же за этой основой закрепилось значение 'очень большой, величественный, великий' (в связи с тем, что основа сравнительной степени стала обозначать 'большой', а не 'больший'), появилось несоответствие между значением наречия и значением прилагательного.

ДОБРЪ. Среди наречий на =ѣ, к которым относится добръ 'очень', история добръ и зълъ имеет свои особенности. Наречия на =ѣ от качественных основ уже в древнерусский период были вытеснены образованиями на =о (скоро, тихо, часто, чисто и т.д.), и только добръ и зълъ долгое время продолжают употребляться. Это связано с тем, что добро и зъло, в основном, выполняли предикативную функцию, в роли же наречий употреблялись сравнительно редко.

С начала письменности добръ употребляется как наречие положительной оценки 'хорошо, правильно, полезно, благостно' в полном соответствии со значением прилагательного добрый и всего гнезда: устроить свою жизнь добръ (Изб 1076, 258); добръ очистивъ струпъ (ПС к. XI, 74) и др. Но уже с XI в. встречаются примеры, противоречащие этимологическому смыслу корня: добръ разбогатѣль еси (Мин 1097, 72. - Срезн.); Да будуть добръ бѣрзи на бѣжащее (Златостр. XII) - Там же); сдѣ малая дамы. бещисленая тамо возмемъ. и тако добръ лихоимствуемъ (ГБ XII, 2076).

Можно предполагать, что новое значение 'очень' развивалось сперва при сочетании со словами положительной семантики: погвѣльхомъ... на высоту сѣльства добръ могучая и крѣпкия възводити (КР 1284, 351г); си же видѣвъ добръ красно бы(с) древо (Пал 1406, 37в); сие лѣто зима была добръ снежна (Пск. З лет. XVI, 1562 г.); и то пашъ... добръ радостно (Слут. I, 341об.). В подобных случаях новое значение 'очень, сильно' не противоречит старому 'хорошо, по-доброму', оба значения совмещаются в общем тексте. Отчетливым новое значение предстает в таких сочетаниях, как "добръ лихоимствуемъ", когда положитель-

ный смысл исключается самой ситуацией высказывания⁷.

Наречие добръ 'очень, сильно' не было широко употребительным, однако оно встречалось в памятниках с XI по ХУП вв. Кроме приведенных выше примеров, см. также: погоръ улица Волосова не вся... а Прусская улица добръ горъ (Новг. I лет. ХУ, 1348 г.); в то время зима была добръ студена (Пск. З лет. ХУI, 1559 г.); убила руси добръ много, а татарове всѣ цѣлы (Уст. лет. ХУП, 1438 г.); людей не добръ истомити (Учение ратн. строен. 1647 г., 203); и то имъ добръ тяжело (Там же, 203об.)⁸.

ГОРАЗДО. Это наречие употребляется в памятниках письменности древнерусского периода в общем значении 'искусно, хорошо, совершенно', что убедительно иллюстрируется в Материалах Срезневского. Но по крайней мере один пример из 9-ти, приведенных Срезневским, дает повод предполагать у наречия гораздо значение 'очень': гораздо ны еси налаяль (Жит. Андр. Юр. XXXI, 143). См. также пример из Ипатьевской летописи под 1289 г.: "но ты самъ слышалъ. гораздо и оць твои. и вся рать слышала. оже братъ мои Володимеръ. даль ми землю свою" и некоторые др.

Словарь русского языка XI-ХУП вв. отмечает это значение в текстах ХУП в.: И говорять казаки, что на весну однолично Стенка Разинъ пойдет на воровство, и они де... съ нимъ пойдут многие, а которые де старожилы домовые казаки, и тѣ де о том горазду тужатъ (ДАИ УГ, 25. 1670 г.); Гораздо Еремей разуменъ и добръ человѣкъ: ужъ у него и своя сѣда борода, а гораздо почитаетъ отца (Ав. Ж. 37, 1673 г.). В сочинениях Аввакума, по наблюдениям Колесова, наречие гораздо в значении 'очень' употребляется так же часто, как и зло: богать гораздо; [рыба] зѣло жирна гораздо; гораздо бы изрядно; глупъ ведь

⁷ Здесь, как кажется, уместна аналогия с явлением в разговорном языке нового времени, когда рядом с выражениями: "ужасно безобразный", "страшно горький" возникают логически неоправданные: "ужасно красивый", "страшно вкусный".

⁸ Последние два примера взяты из книги: Черных П.Я. Язык Уложения 1649 г. М., 1953, с. 367.

я гораздо; жаль мне ея гораздо; не любить... гораздо⁹.

Та же картина наблюдается в языке ХУП в. (по КСлРЯз ХУП): Горазда без вас скучаю (Письмо Петра I. ПУЗП); Письмо твое я чрез Сафонова получил, которое прочитая горазда задумался (Там же); лукавой и злаго нраву, а ума гораздо средниаго (История о ц. Петре Алекс., 1727 г.); мать моя была уже негораздо молода (Зап. Бтв. I, 31); Шьют гораздо искусно (РМ I, 393); Лососину, или семгу наръзвавъ ломтями, гораздо вымочить; послѣ чего отварить в водѣ с уксусом, пряностями и луковицами (Слов. пов. IV, 1796 г., 18).

На истории наречия гораздо можно наблюдать изменение семантики от значения 'искусно, хорошо, совершенно' (непосредственно связанного с семантикой прилагательного гораздны) - к значению обычного усиления признака или действия уже без общей положительной оценки его. Утратив лексическое значение качественности, наречие гораздо перестает употребляться в форме сравнительной степени, что было естественно при первоначальном значении наречия (ср.: Иван лутчи меня и гораздъе умѣет буквам. Грамотки, 53. ХУП в. - СлРЯз XI-XVII).

В современном литературном языке наречие гораздо 'очень' сохранилось, но его употребление ограничено одной позицией - при сравнительной степени прилагательных и наречий (как раз той позицией, которой нет у наречия очень, но которая была у наречий зъло и вельми в древнерусском языке). Литературный язык не сохранил слов с корнем горазд в его древнем значении, кроме как в связанных выражениях "на выдумки горазд", "кто во что горазд", отмечаемых современными словарями как просторечные.

БОЛЬНО. Прежде всего заслуживает внимания наречие больно в системе современного литературного языка. "Словарь русского языка" С.И.Ожегова дает как омонимы: 1) больно в значении 'так, что чувствуется боль' (больно ушибить руку; больно дышать; сделать больно кому-н.) с переносом 'обидно, неприятно,

⁹ См.: Колесов В.В. Лексическое варьирование в литературном языке ХУП в. - Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. К 80-летию С.Г.Бархударова. М., 1974, с. 130-144.

досадно' (больно вспомнить); и 2) больно в значении 'очень' с пометой просторечное (больно хитер). Оба слова различаются не только значением и сферой употребления, но и грамматически: первое относится к категории состояния (все примеры кроме "больно ушибить руку"), второе – собственно наречие.

Именно пример, нарушающий однородность категориальной отнесенности первого слова, представляется интересным для нашей темы. Он в определенной степени совмещает значения обоих омонимов и тем самым дает повод рассмотреть вопрос о том, не являются ли омонимы исторически разными значениями одного слова.

Глагол ^Xbolēti (по реконструкции О.Н.Трубачева ^Xbol'ēti) известен всем славянским языкам в значении 'болеть, быть больным'¹⁰. Это значение является основным во всем гнезде.

В памятниках письменности XI–XIV вв. (по картотеке Словаря древнерусского языка XI–XIV вв. и Материалам Срезневского) наречие больно не отмечено. В XVI в. форма больно встречается, но не в собственно наречной функции, а в предикативной: А плетью с наказанием бити, и разумно, и больно, и страшно и здорово (Дм., 108. XVI в. – СлРЯз XI–ХУП).

В ХУШ в. наречие больно в значении, соотносительном со значением прилагательного, можно считать употребительным. См. примеры: Осы, шерши, комары... больно кусаются. (ФЭ 83. – СлРЯз ХУШ); Иголка маленька, да больно уколет. (Брсв Посл. – К СлРЯз ХУШ) и др. В это же время наречие больно употребляется в усиливательном значении: Сего числа с полками конными и пехотными пришел я в Янполь и, помешкав день ради салдат (погнезе от беспутицы больно ногами утрудились), пойду с поспешением. (ПБП УШ 1011. – СлРЯз ХУШ); Я крут больно, а она не уступчива (Жив. 183. – Там же) и др.¹¹

Как и в случае с добръ, гораздо (см. выше), представляют интерес такие примеры с наречием больно, в которых могут налличествовать оба значения (и 'больно' и 'очень'), не противореча друг другу: болна трехнет, ударил больно, мучит меня

¹⁰ См.: ЭССЯ под ред. О.Н.Трубачева. Вып. 2. М., 1975, с. 187–189.

¹¹ Словарь отмечает значение больно 'очень, весьма' с пометой просторечное, что на приведенных текстах не кажется очевидным.

больно (ХУШ в.). См. также у Крылова: Как больно левъ за спесь наказан комаром! Возможно, с таких сочетаний и в таких контекстах начиналось новое значение: тряхнуть, ударить, мучить, наказать ‘физически больно’ в то же время значит ‘очень’ наказать, мучить, ударить, тряхнуть.

Представленная таким образом возможность появления у больно нового значения кажется обычной в семантическом развитии наречий рассматриваемой группы. Кроме одного момента.

Дело в том, что появлению нового значения у наречий гораздо, добрь предшествовал долгий период употребления их в старом, этимологическом значении. Это обстоятельство представляется и естественным и необходимым, потому что новое значение могло возникнуть только при условии функционирования наречия. В случае с наречием больно этого условия нет: значение ‘очень’ отмечается письменными источниками раньше, чем значение ‘больно’. См. примеры из Словаря русского языка XI–ХУП вв.: А. Хабаровъ велитъ мнъ собя переводити въ иной монастырь, и язъ ему не ходатай и скверному житию, а уже больно докучило (АИ I, 394. 1578 г.); А что, государыня, льну плавуну намяли двадцать керъбей, и онъ, государыня, изъ худыхъ, не больно худъ, а до доброго не дошель. (Переп. Хован., 423. 1682 г.). В ХУП в. больно ‘очень’ есть в сочинениях Аввакума: море... не больно о том мѣсте широко (Житие); не больно он боится (Книга бесед).

В этой связи заслуживает самого пристального внимания пример, приведенный в Словаре русского языка XI–ХУП вв.: И послѣ причастия почаль онъ, государь, гораздо больно дышать (Пис. к Никону, 165. 1652 г.). Значение наречия больно определено как ‘тяжко, тяжело’,¹²

Из всех образований корня, представленных в памятниках древнерусского периода, подобное значение отмечено у суффиксального болѣзнь и его производных (болѣзны, болѣзныи, бо-

¹² В словарной статье этот пример дан как оттенок к значению ‘больно’, что, думается, неверно: значение ‘тяжко’ шире значения ‘больно’. Кроме того в основном значении нет примеров с наречием, а только такие, которые указывают на категорию состояния.

льзнь, болезнь; также болѣльно у Срезн.). Помимо значения ‘недуг, хворь’ (греч. *νόσος*, *ἀσθένεια*, *μάλακτα*), существительное болезнь употреблялось в значении ‘труд, трудность, тяготы; усилие, напряжение’ (греч. *πόνος*). Это значение представлено большим количеством примеров.

Не повторяя примеров, приведенных в Материалах Срезневского, укажем такие: Яко нѣсть трудъ оставити гнѣвъ опечалившууму тя. болезнь убо есть еже враждовати и не миръ имѣти. кая болезнь молити ся и просити благая... кая болезнь оже зъла не решти никому же. (Изб 1076, 92об.); Равноангельское житие поживше болезными постыническими [т.е. ‘трудом, тяготами постыничества, отшельничества’], отыци преподобинии. въздыханиемъ тѣло поработивше (Стих. 1156–1163, 32об.); съ многими болезными и труды стяжавша (*τὰ μύριοις πόνοις*. ГА XIII–XIV, 98 б.); тѣло мало упокоивше. о(т) труда и болезни постынья (ПНЧ XIV, 202г); адамъ из рая изгнанъ бы(с) на странное. и болезнью мѣсто (Пал 1406, 40в). Особо отмечаем употребление наречия: аще хощеш обрѣсти путь ведущи въ жизнъ... зъло болезнью иши (Епиф. ПНЧ XIV, 161г) – ‘трудно, с усилием’, т.е. ‘не жалея труда, сил’.

Значение ‘забота’, отмечаемое историческими словарями у слова болезнь (возможно, вызванного особым управлением), представляется нам прямо связанным со значением ‘труд, тяготы’: не забывайте мѣрия труда яже о чадѣхъ печаль и болезнь. (Пр 1383, 138а); оци велику болезнь имуть о дѣте(х) свои(х). (ЗЦ к. XIV, 48б); книги писаше, с русских переводя на пермьскыя, но и съ греческихъ многажды на пермьскыя, и не малу болезнь имѧ о семъ прилежаше (Ж. Стеф. Перм. Епиф., 58. ХУ в. по сп. ХУ–ХУІ вв.)¹³.

Укажем еще приводимое Срезневским болѣзнилюбыць ‘*φιλόπονος*, *amans laborum*’, являющееся полным синонимом слову трудолюбъць. Вообще у слова трудъ (и всего гнѣза) в древнерусском языке есть последовательная семантическая соотносительность с гнездом болезнь, наблюдаемая по всему объему значений: ‘труд, работа; трудность, старание, напряжение; забота, стра-

¹³ Последний пример приведен Срезневским под значением ‘*λόγος*, *ταῦτα*, *трудъ*’, в СлРЯз XI–ХУЛ вв. – под значением ‘*беспокойство*, *забота*’.

дание, скорбь; боль, болезнь, недуг'. Таким образом, семантическая широта слова бользнь, как и сам набор значений, не представляют собой чего-то исключительного.

Необычно лишь то, что эти значения представлены, в основном, производной основой. Само по себе это обстоятельство не доказывает, что значение 'труд, трудность, усилие' и под. вторично по отношению к значению 'боль, болезнь' и под., и не исключает предположения, что значение 'труд, трудность' и под. могло быть у других образований корня ¹⁴.

Вернемся к примеру из Письма царя Алексея Михайловича к Никону: "почаль... гораздо больно дышать", где больно - 'тяжко, тяжело' (можно добавить синонимы 'с трудом, с усилием'). Это значение наречия соотносится с рассмотренными выше примерами из древнерусских памятников. От него - прямой путь к значению 'очень, весьма, сильно'.

Возможность появления у наречия больно усилительного значения 'очень' на основе древнего значения 'тяжко, тяжело' не означает, что другой путь развития (из наречного значения 'больно') невозможен. Передвижения в лексике и семантике являются результатом изменения в отношениях слов, едва ли всякий раз вызываемого единственной причиной и единственным условием.

ВСЬМА. С начала письменного периода наречие весьма употребляется в значении 'полностью, совсем', в полном соответствии со значением корня (местоимение весь + наречный суф.-ма). В добавление к примерам, помещенным в Материалах Срезневского, укажем некоторые: бъ нѣкто... именемъ иоанъ... въсь дънь... съ-
диша въ манастыри своеемъ... //... мльча. и никако же весьма гдя ни къ комуже. (ПС к. XI, 47-48); неисходна весма. и невидима мя весьмъ постави (ЖВИ XIV-XV, 17в); лучше рекъ аще бы весма не родился (Там же, 93а); тяжко ми есть и весма невѣз-
можно (Там же, 110в).

Это значение сохраняется долго. В языке XVIII в. весма 'сов-

¹⁴ О сохранении производными древнейших значений см.: Трубачев О.Н. Этимологические исследования и лексическая семантика. - "Принципы и методы семантических исследований". М., 1976, с. 152.

сем³ все еще очень употребительно. Приведем примеры из карточки Словаря русского языка XVIII в.: Аще ты и весъма прав, а лучши~~и~~ без больших убытков помиритца. (Псш. КСБ 143); ни весъма забывай, ни лишнее памятуи (Апофегм., 1716 г.); Когда о каком дѣлѣ сумнѣваешься, то не говори того за подлинную правду, но или весъма умолчи, или объяви за сомнительно. (ЮЧЗ, 1719 г.); Елея освященіе над болѣющим весъма творить не надлежит, и никакой пользы нѣт; весъма де суевѣрие (Д. Прип. 6).

В XVIII же веке находим, казалось бы, бесспорное 'очень': весъма ясной способ (Трут.); принял меня весъма ласково (Крм. ПРП.). Однако на этих и подобных примерах нельзя решить вопрос об окончательной смене значений у наречия весъма. Сочетания наречия с глаголом (весъма умолчи) и сочетания наречия с прилагательным (весъма ясной способ) неодинаково реализуют семантические возможности слова: в последних противопоставление значений 'вообще, совсем' и 'очень' не является существенным. Отчетливым новое значение предстает в сочетании со сравнительной степенью: Весьма способнѣе в сожаление притти не видя напасти, нежели когда... настоящее пособствование требуется. (Арг. II 118. – СлРЯз XVIII). О новом значении весъма говорит возможность такого новообразования, как превесъма (Там же).

Нечеткость границ многих лексических значений, особенно передающих отвлеченные понятия, – особенность языка, создающая условия для смысловых передвижений и изменений. Сама степень четкости в разных сочетаниях разная¹⁵. В случае с наречием весъма изменение значения (от 'полностью, совсем' к 'очень') начиналось, по-видимому, с адъективных сочетаний и не в XVIII в., а значительно раньше. Закреплению нового значения способствовала устаревшая словообразовательная модель слова. Одновременно в языке появляются другие наречные образования, синонимичные древнему значению весъма, в том числе и от местоимения весь: целиком, полностью, совсем и др.

К XIX в. сложились те отношения, которые существуют в современном литературном языке: в значении 'полностью' стало

¹⁵ О возможности таких лексико-семантических позиций многозначного слова, в которых значения оказываются совместими, см. подробно: Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973, с. 76–77, 85–86. Исторически подобные

употребляться наречие совсем; весъма стало синонимом очень. У Пушкина, кажется, в единственном примере можно усмотреть прежнее значение весъма: "Поймавши истинно повесить. И живо-та весъма лишить". Ироническое употребление, которое отмечает в этом примере Словарь языка Пушкина, как раз достигается использованием старого значения слова.

ОЧЕНЬ. Наречие очень (очунь) появляется в письменном языке Москвы в ХУП в.: только не очонь вы долги были; только не очонь бы тяжелы (Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. 1647 г.)¹⁶; не очонь охотникъ былъ (Спафарий. Китай. 1675-1678 гг. - К СлРяз XI-ХУП); Очень нужно намъ видѣтца (Переп. ц. Прасковыи. 1716-1733 гг. - Там же); очун мнъ некстati (Калеандр. 1731 г. - Там же); Я ето очень и не однажды замѣтилъ (Аnekдоты Пошех. 1798 г. - Там же); я не знаю, для чего вы о моем здоровье так очень радуетесь (Беландра. ХУП в. - Там же).

Исследователи отмечают быстрое утверждение в литературном языке нового наречия. Однако, например, в Соборном уложении 1649 г. его нет¹⁶. В письмах и документах Петра I очень встречается редко (чтоб материя была не очень гусъта и тонка; не очень склонны; назади очень уско связаны и некот. др.), чаще - зъло, гораздо, вельми.

Не останавливаясь на этимологии наречия очень¹⁷, отметим, что в литературный язык оно вошло без сопровождения однокоренных образований и утвердилось как непроизводное.

К XIX в. наречие очень стало самым употребительным. Интересно сравнить количественные показатели употребления усиительных наречий у Пушкина: зело 'очень' - 2; вельми 'весъма, очень' (с пометой "в церк.-слав. языке") - 3; больно 'очень, весъма' 'Больно спесив Кирила Петрович!' - Дубровский) - 2;

позиции создавали условия для изменения значения слова в том или ином направлении.

¹⁶ См.: Черных. Указ. соч., с. 267.

¹⁷ См.: Трубачев О.Н. Заметки по этимологии некоторых нарицательных и собственных имен. - "Этимология. 1971". М., 1973, с. 83-84.

гораздо 'значительно' (со сравн. степ. прилаг.) - 65; весьма 'очень, в высшей степени' - 131; очень 'в сильной степени, весьма' - 608¹⁸. Современный литературный язык почти не изменил этого соотношения, если не считать сужения функции весьма: в Толковом словаре русского языка Д.Н.Ушакова оно дано с пометой "устаревшее", в Словаре русского языка С.И.Ожегова - с пометой "книжное". Наречие очень осталось самым употребительным.

Возможности сочетаемости очень со словами разных частей речи хорошо показаны исследователями современной русской разговорной речи. Приведя примеры сочетаний очень с глаголами, существительными, прилагательными, наречиями и числительными, авторы делают вывод: "Единица очень эволюционирует в сторону универсального показателя значения "высокая степень", сочетаясь с качественными компонентами семантики слов разных частей речи"¹⁹. Если смотреть на эту ситуацию не с позиции современного кодифицированного литературного языка, а исторически, сочетаемость наречия очень, продолжающего функции зъло и вельми, представляется вполне естественной.

Конец многовекового употребления наречий зело и вельми в языке русской письменности смыкается с началом утверждения наречия очень. Никакое другое наречие с усилительным значением не достигло ни их распространенности, ни их универсальности.

Причина такой популярности упомянутых наречий объясняется,

¹⁸ Словарь языка Пушкина, тт. I-III. М., 1956- 1959.

¹⁹ Русская разговорная речь. Под ред. Е.А.Земской. М., 1983, с. 107. По поводу сочетаемости очень с числительными необходимо заметить следующее. В примере "жалко ее / она очень одна" (с. 107), иллюстрирующем сочетаемость очень с числительным, одна употреблено в значении 'одинока'. См. пример, приведенный нами выше: "ни зъло вторымъ... приити" (ГБ XIV, 1426), где "вторымъ приити" значит 'опоздать, придти поздно'. С собственно числительными усилительные наречия не употребляются из-за их семантической несовместимости.

по-видимому, их особым положением в языке: непроизводностью и вытекающей отсюда семантической обособленностью и смысловой определенностью. Возможно, в этом же заключается объяснение столь долгого бытования в языке наречий зело и вельми. Конечно, традиция книжно-письменного языка сыграла свою роль, но "традиция" - понятие не самодовлеющее, она может опираться на внешнеязыковые обстоятельства и поддерживаться внутриязыковыми условиями.

Зависимость устойчивости усилительных наречий от семантического влияния гнезда можно определить как обратную, - семантика корня "мешает" чистоте усилительного значения. Об этом говорит и пример с наречиями добръ и гораздо: добръ 'очень' вышло из употребления, но в языке сохранились многочисленные образования с корнем добр-, наоборот, гораздо 'очень' утвердилось в языке, но другие образования с этим корнем вышли или выходят из употребления.

Семантические изменения, в результате которых у наречий появляется усилительное значение, происходят в языке постоянно. В истории языка количество наречий, употребляемых как усилительные, не ограничено теми, которые рассмотрены в данной статье. См., например, такие: мужъ бо есть зъло съмъренъ...// и милостивъ и крѣпъкъ въсячъскы (ПС к. XI, 20-20 об.); нынъ по-знах тя крѣпко безумъствующа и весьма несмыслища (ЖВИ XIУ-XУ, 42г); иже бо не сильно кормять(с). мало пью(т). си су(т) крѣпчиши. и здравѣе (СбПаис XIУ/XУ, 133).

В языке нового времени (XIX-XX вв.) в значении 'очень, в большой степени' употребляются наречия крепко, хорошо (особенно суффиксальное хорошенько), здраво, шибко, страшно, сильно, много и др. Все они связаны с соответствующими словообразовательными гнездами, поэтому усилительность, передаваемая ими, в той или иной мере имеет дополнительный оттенок, что обеспечивает языку возможность семантического и стилистического разнообразия.